

Александр Федута

*Письма
прошедшего
времени*

*Материалы к истории литературы
и литературного быта
Российской Империи*

Минск «Лимариус» 2009

ПУШКИН И ЛЕЛЕВЕЛЬ

История одного недоразумения

Вопрос о рецепции конкретного литературного произведения зачастую усложняется определенными внетекстовыми обстоятельствами. Принципиальное значение могут иметь условия, при которых тот или иной реципиент познакомился с текстом, степень владения реципиентом языком, на котором написан текст. Иногда могут складываться комические ситуации.

Известно, что выдающийся польский историк и политический деятель Иоахим Лелевель после разгрома Варшавского восстания 1830–1831 гг. был вынужден эмигрировать из Российской империи и оказался в Брюсселе. Здесь 25 января 1834 г. он произнес получившую широкий резонанс речь, посвященную годовщине детронизации Николая I как польского короля и воспевающую декабристов как поборников вольности всех народов, живших в империи.

Приведем фрагмент из этой речи.

Niedawno jeden młody poeta rosyjski posłał carowi następującą bajeczkę: «Pewien człowiek przechodząc koło pewnej jaskini usłyszał wychodzący z jej głębi krzyk przeraźliwy, żałosne jęki. Tknięty uczuciem ludzkości pobiegł na ratunek tym nieszczęśliwym. Ale że ciemno było w jaskini, wziął światło, wszedł i z wielkim podziwieniem zobaczył, że jeden tylko człowiek miotał się na wszystkie strony wśród mnóstwa ludzi łekliwych, bijąc, kalecząc, dręcząc tych wszystkich, którzy mu się nawinęli pod rękę. Stąd krzyk, stąd jęki tych ludzi! Ale zaledwie światło oświeciło tę dziwną scenę, wszyscy postrzegli, że jeden tylko człowiek był ich katem. Nie potrzebując żadnego zachęcania związali go i jęki ustały. Po wniesionym świetle pokój i szczęście zamieszkało w jaskini».

Za tę bajeczkę car zasał młodego poetę na ostatnią granicę państwa¹.

«Байeczka», рассказанная Лелевелем, вряд ли привлекла бы наше внимание, если бы сам оратор при публикации не сделал к ней примечание, разъясняющее, что под молодым поэтом — автором пересказанного текста он имеет в виду Александра Пушкина.

Далее история развивается следующим скандальным образом.

¹ *Lelewel J. Wybór pism politycznych. Warszawa, 1954. S. 221.*

Речь Лелевеля была опубликована, и на нее немедленно отреагировали российские агенты в Европе. 11 апреля 1834 г. Г. А. Строганов присылает Пушкину № 101 газеты «Франкфуртский журнал», в котором неизвестным лицом (возможно, А. А. Бехтеевым²) опубликовано сообщение о брюссельском торжестве, о речи Лелевеля и о том, что Пушкин никуда не сослан, а, напротив, «часто видят его при дворе, причем он пользуется милостью и благоволением Государя»³.

Реакция Пушкина лаконична: «Весьма печально искупаю я заблуждения моей молодости. Лобзание Лелевеля представляется мне горше ссылки в Сибирь. Благодарю Вас однако ж за то, что Вы сообразовали сообщить мне данную статью: она послужит мне текстом для проповеди»⁴.

Однако ни в этом письме, ни дневнике, куда он переписал фрагменты из статьи, опубликованной во «Франкфуртском журнале», ни в каком-либо ином тексте Пушкин не указывает на то, опознано ли им произведение, пересказанное Лелевелем.

Ситуация усложняется тем, что в той же речи Лелевель приписывает Пушкину и вторую «сказочку». Ее источник определен: она явно не принадлежит Пушкину. В ней Лелевель вольно «пересказывает переведенную из Сегюра басню Д. В. Давыдова “Река и зеркало”, ходившую по рукам и в некоторых сборниках приписывавшуюся Пушкину; обе они последнему (по мнению исследователей. — А. Ф.) не принадлежат, и Лелевель, приводя их в своей речи, был введен в заблуждение»⁵.

Эта версия получила широкое распространение в пушкинистике. Первым, судя по всему, ее высказал Н. О. Лернер⁶. Докочевала она и до новейших исследований⁷. Отчасти скепсис исследователей кажется правомерным. «Запрещенные, презревшие печатный станок стихотворения в сознании читателя-переписчика приписывались знаменитому автору

² См. об этом в примечаниях к «Дневнику» Пушкина В. Ф. Саводника // Дневник А. С. Пушкина. 1833–1835 / с комментариями Б. Л. Модзалевского, В. Ф. Саводника, М. Н. Сперанского. М., 1997. С. 502.

³ Цит. по: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина в четырех томах. 1833–1837 / сост. Тархова Н. А. Москва, 1999. Т. 4. С. 174.

⁴ Пушкин А. С. Письма последних лет: 1834–1837. Л., 1969. С. 33.

⁵ Пини О. А. <Комментарий> // Пушкин А. С. Письма последних лет: 1834–1837. Ленинград, 1969. С. 219. Ср.: «Обе “сказочки”, как первая, так и вторая, приписаны Пушкину неправильно», — Модзалевский Б. Л. <Объяснительные примечания> // Дневник Пушкина. 1833–1835. М., Петроград, 1923. С. 153.

⁶ См.: Лернер Н. О. Пушкин и Лелевель // Исторический вестник. 1905. Т. 101. С. 620–623.

⁷ «Судя по всему, атрибуция Лелевеля ошибочна». См.: Николаев С. И. [Прижизненная известность Пушкина за рубежом: Польша] // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XVIII–XIX. Пушкин и мировая литература (материалы к «Пушкинской энциклопедии»). СПб., 2004. С. 266.

вольнoлюбивых сочинений — А. С. Пушкину»⁸. Поэт и сам признавал это, свидетельствуя, что все антиправительственные стихи приписываются ему, как все эротические — князю Д. П. Горчакову.

Зададимся вопросом: насколько корректно говорить о «неправильном приписывании» Пушкину текста, который остается при этом неназванным? Очевидно, что проще всего было бы сопоставить содержание «сказочки» Лелевеля с текстами известных пушкинских произведений, попытавшись обнаружить первоисточник, после чего делать какие-либо выводы об авторстве, по крайней мере, фабулы пересказанного Лелевелем произведения и о том, насколько Лелевель был введен в заблуждение.

Очевидно, что в произведении, которое мог иметь в виду Лелевель, несомненно, должны присутствовать пещера (Лелевель с уверенностью повторяет: «jaskini») и, скорее всего, каторга (находящиеся в пещере люди явно согнаны туда для подневольной работы). Фабула произведения заканчивается освобождением каторжников.

По нашему мнению, речь может идти о послании Пушкина «Во глубине сибирских руд», где, в частности, есть и «каторжные норы», и заключительная сцена будущего освобождения узников:

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа...⁹

Стихотворение Пушкина написано в конце 1826 — начале 1827 г. Более семи лет отделяют его от речи Лелевеля. Мог ли Лелевель знать его текст и, если знал, то откуда?

Как указывает С. А. Рейсер, «Во глубине сибирских руд...» распространялось «в списках без загл<авия> и под одиннадцатую различными загл<авиями>»¹⁰. О том, как широко оно распространялось, вариантах, существовавших в списках, говорится в исследовании М. Г. Альтшуллера и И. Ф. Мартынова¹¹. Через Е. П. Ростопчину, например, дошел его текст даже до А. Дюма¹².

⁸ Альтшуллер М. Г., Мартынов И. Ф. «Звучащий стих свободы ради...»: Очерки о читателях декабристской поры. М., 1976. С. 71.

⁹ Вольная русская поэзия XVIII–XIX веков: В 2 т. Т. 1. Л., 1988. С. 236.

¹⁰ Рейсер С. А. <Комментарий> // Вольная русская поэзия XVIII–XIX веков. Т. 1. С. 588.

¹¹ Альтшуллер М. Г., Мартынов И. Ф. «Звучащий стих свободы ради...»: Очерки о читателях декабристской поры. М., 1976. С. 56–70.

¹² См.: Алексеев М. П. К тексту стихотворения «Во глубине сибирских руд» // Алексеев М. П. Пушкин: Сравнительно-историческое исследование. Ленинград, 1984. С. 421–443.

В России конца 1820-х гг. множество сосланных поляков. Преимущественно это хорошо образованные молодые люди — члены тайных молодежных обществ, разгромленных по инициативе Н. Н. Новосильцова. Есть и весьма вероятный реципиент-посредник данного пушкинского стихотворения, через которого пушкинское послание могло стать известным в польских революционных и литературных кругах. Это Адам Мицкевич. Именно в период с января по май 1827 г. Пушкин и Мицкевич активно общаются, их знакомство укрепляется во многом благодаря Зинаиде Волконской, в салоне которой они оба бывают.

Известно, что через родственницу З. А. Волконской, М. Н. Волконскую, Пушкин намеревался передать свое стихотворение в Сибирь его сосланным адресатам¹³. Не исключено, что с текстом нового произведения Пушкин мог познакомить и тех из посетителей салона Волконской, на чью политическую лояльность к вольнолюбивым идеалам собственной юности и адресатов послания он мог рассчитывать. Высланный с родины Мицкевич — в недавнем прошлом член тайного студенческого общества филаретов, — разумеется, из их числа: его сочувствие делу декабристов несомненно.

Но тот же Мицкевич, покинувший Россию еще до Варшавского восстания и ставший одним из идейных вдохновителей польского национально-освободительного движения, был хорошо знаком с Лелевелем еще по Виленскому университету. Их встречи в Европе известны. Несомненно, что Лелевель, имевший широкий круг российских корреспондентов, интересовался российскими новостями, в том числе и новостями культуры — темой наиболее близкой Мицкевичу. Можно предположить, что именно от Мицкевича и его окружения (Лелевель вел активную переписку и с другими филематами, высланными из Вильно в том числе и в Санкт-Петербург и Москву) Лелевель мог узнать и о Пушкине, и о его антиправительственных стихах.

Вместе с тем высокая степень вероятности знакомства Мицкевича с текстом данного пушкинского стихотворения и его роли посредника в ознакомлении Лелевеля с ним предполагает одновременно постановку другого вопроса: если Мицкевич действительно был знаком со стихотворением «Во глубине сибирских руд...» и пересказывал его Лелевелю, откуда непропорционально большое число неточностей в пересказе самого Лелевеля?

Причин, на наш взгляд, может быть несколько.

Во-первых, Мицкевич явно недостаточно хорошо знал русский язык, чтобы воспринимать на нем стихи. Языком-посредником в его общении

¹³ См.: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина в четырех томах. 1825–1828 / сост. Тархова Н. А. Т. 2. М., 1999. С. 220.

с русскими друзьями был французский: во всяком случае о поэтическом таланте Мицкевича они судили по его французским импровизациям. Не исключено, что Пушкину пришлось сделать импровизированный французский подстрочник, чтобы прояснить отдельные моменты. Понятно, что в этом случае искажения закономерны и практически неизбежны¹⁴.

Во-вторых, Мицкевич — сам великий поэт-импровизатор. Его память неизбежно, даже против его собственной воли, должна была определенным образом «отредактировать» пушкинский текст, сделать его более «романтическим» и «революционным». Отсюда вполне могли появиться в «сказочке» Лелевеля и бунт каторжников, и поэт, поднимающий народное восстание — образы, традиционные для поэзии польского романтизма.

В-третьих, нельзя исключать и воздействие временного фактора. Мы не знаем, когда именно Мицкевич мог пересказать Лелевелю пушкинские стихи, но очевидно, что либо сам Мицкевич, либо Лелевель по прошествии времени могли деформировать в своей интерпретации пушкинский текст настолько, что его не узнали не только пушкинисты, но и сам автор. Да и ту давыдовскую «сказочку» Лелевель «излагает... по памяти, с большими искажениями, но в ней легко узнать... басню Давыдова»¹⁵.

В любом случае подтвердить эту версию возможно, лишь обнаружив список пушкинского стихотворения, принадлежавший Мицкевичу или Лелевелю либо доказав хождение рукописных переводов этого стихотворения на польском или французском языках. Вместе с тем у нас нет и оснований предполагать, что Лелевель выдумал свою «сказочку», возведя тем самым «напраслину» на Пушкина. Он явно не был введен в заблуждение, а лишь, на наш взгляд, неточно, прозой и на чужом языке пересказал послание «Во глубине сибирских руд...».

Это не означает, что исследователи вопроса ошибались, отрицая пушкинское авторство пересказанной Лелевелем притчи. Несомненно, что полноценным автором «сказочки» следует считать именно Лелевеля, однако сам по себе произнесенный им текст вполне может быть результатом рецепции изначального пушкинского текста, подвергнувшегося переработке в силу мировоззренческих и языковых причин.

¹⁴ Что косвенно подтверждает перевод того же стихотворения, выполненный Е. П. Ростопчиной для А. Дюма. См.: *Алексеев М. П.* К тексту стихотворения «Во глубине сибирских руд». С. 424–428.

¹⁵ *Каллаш В. В.* Заметки о Пушкине // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. V. СПб., 1907. С. 114.

Показательно и другое. В ту же образную парадигму, характерную для «сказочки» Лелевеля, укладывается и ответное послание Пушкину, автором которого является А. И. Одоевский — «Струн вещей пламенные звуки...»¹⁶. Это не удивительно: оба текста — и принадлежащий польскому политику, и послание поэта-декабриста, — по нашему мнению, суть результат творческой рецепции пушкинского стихотворения.

¹⁶ См.: *Одоевский А. И.* Полное собрание стихотворений. Л., 1958. С. 73.